

Е.С. Ярыгина

Структура, семантика и синтаксические функции фразеологизированных конструкций в аргументативном дискурсе

В статье рассматриваются фразеологизированные конструкции *что толку, что пользы, что проку, что нужды*; показано, что структурные и коммуникативно-текстовые свойства, а также признаки диалогической обусловленности и полисубъектности обуславливают их широкое использование в аргументативном дискурсе.

Ключевые слова: аргументативный дискурс; фразеологизированные предложения; фразеосхемы; вопросительно-отрицательные предложения; модально-оценочное значение.

Аргументативный дискурс — особый тип речи, в котором основным речевым действием выступает аргументация. При обсуждении отличительных черт аргументативного дискурса внимание уделяется, как правило, текстам публицистического и официально-делового стилей, принадлежащим к полемическим речевым жанрам [1, 2]. Но аргументация служит обычным приемом отстаивания своей точки зрения не только в книжных стилях речи, но и в бытовом диалоге, а также в художественном тексте. Поэтому тактические приемы аргументативного дискурса обнаруживаются в разных стилях и жанрах. Общностью подобных приемов является их диалогизированность, предполагающая наличие определенного адресата, т. е. другого субъекта речи. Полемичность, или диалогическая обусловленность, аргументативного дискурса усложняет субъектную перспективу текста¹, поскольку в нем соединяются два голоса, две точки зрения: говорящего и того, с кем ведется полемика.

В целях исследования аргументативных речевых приемов и их полемической направленности обратимся к известному стихотворению А.С. Пушкина

¹ О понятии субъектной перспективы см.: [4: с. 276–277; 5: с. 229–251].

«Что в имени тебе моем?». Здесь мы обнаруживаем вопрос с оттенком отрицания. Семантика отрицания становится явной за счет последующей аргументации:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом [8: URL].

Поэт говорит о том, что нет смысла в имени, написанном на альбомном листке, потому что оно будет забыто и превратится в «надгробную надпись». Тот же самый прием А.С. Пушкин повторяет и в третьей строфе:

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных [Там же].

Строфа начинается вопросом, на который должен быть дан ответ: «В моем имени тебе нет проку». Но его нет, а есть аргументация, которая и добавляет вопросу отрицательное значение. Соответственно, вопрос приобретает отрицательное значение, и предложение прочитывается не как собственно-вопросительное, а как вопросительно-отрицательное. Вследствие этого вопросительно-отрицательное предложение прикрепляется к определенным контекстным условиям и становится конструктивно обусловленной синтаксической единицей.

В знаменитом монологе Сальери находим еще два употребления одной и той же вопросительной конструкции, после которой следует аргументация, превращающая вопрос в отрицательное суждение:

...я избран, чтоб его
Остановить — не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше [Там же].

В приведенном отрывке вопросительно-отрицательное предложение состоит из местоименного слова *что* и модального существительного в родительном падеже. Интересующая нас конструкция задает аргументативный дискурс, т. е. указывает на необходимость дальнейшего рассуждения. Сальери еще

не до конца себя убедил (использовать ли ему «дар Изоры»); он еще сомневается, ищет дополнительные аргументы.

Наличие добавочного отрицательного значения, которое не прочитывается непосредственно из компонентов вопросительной структуры, свидетельствует о фразеологизированности синтаксической конструкции. Фразеологизированные предложения, или фразеосхемы [7], характеризуются синтаксической несвободой, добавочными модальными знаниями и диалогической обусловленностью.

Авторы «Русской грамматики» дают следующее определение: «Фразеологизированными называются предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой. В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия» [6: с. 382]. Выделяются пять типов фразеологизированных предложений: 1) с союзами, 2) с предлогами и предложными образованиями, 3) с частицами, 4) с междометиями и 5) с акцентирующими и местоименными словами. Рассмотрим пятый тип, а точнее, предложения с местоименным словом *что*. В «Русской грамматике» такие фразеосхемы представлены следующим образом: «Предложения типа *Что мне!*; *Соседу-то что!* означают утверждение несущественности, неважности чего-л. для кого-л. То же значение имеют предложения типа *Что брату до меня!* Имя в Дат. п. — чаще одушевл. существительное или личное местоимение; имя в род. п. (*до кого-чего*) лексически свободно. Ср. аналогичное значение предложений с подлежащим: *Служба что. Сам себя ве́ди аккуратно* (Корол.); *Что твое жалованье! Не надо его совсем* (Тург.)» [6: с. 385].

Следует отметить, что примеры конструкций с местоименным словом *что* в «Русской грамматике» даны не в виде изолированных предложений, а в контексте, во взаимодействии с хотя бы еще одним предложением, что свидетельствует о контекстуальной зависимости фразеосхем. Тот же признак контекстуальной зависимости фразеологизированных предложений отмечает А.В. Величко в докторской диссертации, посвященной синтаксису, семантике и прагматике фразеосхем [3]: большая часть ее примеров с фразеологизированными конструкциями представляет собой либо диалог между двумя участниками речи (как примеры из «Русской грамматики»), либо диалогизированный монолог, т. е. разговор с самим собой. Такое рассуждение возможно и в случае присутствия другого субъекта речи.

Указав основные структурные и коммуникативно-текстовые свойства фразеологизированных конструкций, обратимся к предмету настоящего исследования — фразеосхемам с родительным падежом и словом *что*: *что толку*, *что пользы*, *что проку*, *что нужды*. В них соединяется отрицательное значение с модальным. Рассматриваемые конструкции (как и другие с местоименным словом *что*) выражают несущественность, неважность чего-либо для кого-либо, несогласие как реакцию на чужое слово.

Модели состоят из двух эксплицитных компонентов (*что* + родительный количественный), обязательно входящих в структуру фразеосхемы, и двух имплицитных, присутствующих, как правило, в соседних предложениях, — дательного падежа со значением субъекта мнения и пропозиционального компонента, который может быть представлен разными способами:

1. А: — Надо спорить!
Б: — *Что толку?* Не в твоей ситуации и не с твоими возможностями.
2. А: — Надо спорить!
Б: — Спорить? В твоей ситуации? *Что толку?*..
3. А: — Надо спорить!
Б: — *Что толку* спорить?..
4. А: — Надо спорить!
Б: — *Что толку* в споре? Что толку от спора?..
5. А: — Надо спорить!
Б: — *Что толку*, если я буду спорить? *Что толку*, что я буду спорить?..

В приведенном примере пять диалогических конструкций, различие между ними формальное, чисто структурное: 1 — инфинитив находится в реплике говорящего и отсутствует в реплике коммуникативного партнера; 2 — инфинитив в реплике коммуникативного партнера присутствует (начинает реактивную ответную реплику), но не соединяется в одной синтаксической структуре с фразеосхемой; 3 — инфинитив входит во фразеологизированную синтаксическую конструкцию; 4 — инфинитивная составляющая заменена синонимом — предложно-падежной формой с именем действия (с существительным, мотивированным глаголом); 5 — реактивная реплика в диалоге оформлена как сложноподчиненное предложение.

Конструкции с инфинитивом имеют ограничения, связанные с видом глагола (1) и субъектной перспективой конструкции (2). Для предложений с инфинитивом характерно использование несовершенного вида глагола: *Что толку писать письма?* — Но: **Что толку написать письма...* Кроме того, фразеосхемы с инфинитивом представляют собой односубъектные конструкции: и получатель пользы, и исполнитель действия совпадают в одном лице: *что пользы идти на работу/работать/сидеть дома*. Любой инфинитив в таком соединении будет прочитываться как субъектный (объектный инфинитив невозможен).

Обратимся к проблеме дательного падежа в этих конструкциях. Материалы Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что наиболее частотными оказываются примеры без дательного падежа бенефактива: на запрос точной фразы «Что толку» получено 749 примеров, из них только десять имеют в своем составе местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа (*что мне/тебе/нам/вам толку*). Такое соотношение можно объяснить только тем, что интересующим нас конструкциям свойственно обобщенно-личное значение, которое выражается синтаксическим

нулем. В результате данные фразеосхемы сближаются с категорией оценки [5: с. 150–159]: *что толку* = *без толку*, *что пользы* = *бесполезно*. В результате получаем синонимический ряд: *Что толку говорить* – *Что говорить* – *Нечего говорить* = *Говорить бессмысленно*.

Особенность рассматриваемых вариантов (с любым набором компонентов) состоит в том, что при грамматической достаточности они семантически недостаточны и нуждаются в завершении в виде аргументирующего предложения. При любом выражении обязательного пропозиционального компонента текстовая структура требует развития, потому что даже придаточное предложение не есть собственно аргументация: *Что проку, если ты будешь лить слезы: слезами горю не поможешь*.

Приведем пример из прозы С. Довлатова, в котором говорится о разных реакциях на сообщение о публикации его рассказов:

Друзья реагировали сложно. Одни предостерегали:

— Вот увидишь, тебя посадят. Пришьют какую-нибудь уголовщину, и будь здоров!..

Другие высказывались так:

— Напечатали (1), а *что толку* (2)? Тиражи на Западе микроскопические. Там не заметят. И тут все дороги закроют... (3) [8: URL].

Интересующий нас фрагмент представляет собой трехчастную структуру: 1 — констатация факта; 2 — отрицательная оценка; 3 — аргументация оценки. Семантика фразеосхемы (*что толку*...) поддержана аргументативной частью: фразеосхема начинает рассуждение, задает направление мыслей, а обоснование приводит к выводу о бессмысленности, несущественности, бесполезности события.

Еще пример из «Независимой газеты» (2003):

И сокращение чиновников обещают вновь и вновь. Да *что проку*? Чиновники переливаются из одного сообщающегося сосуда в другой, более того, аппарат все раздувается, и не видно этому конца [Там же].

Фрагмент представляет собой своеобразный диалог обычного человека с властями, которые обещают сократить чиновничий аппарат. Первое предложение представляет одну сторону диалога, второе — реакцию на заявление властей. В предложении *Что проку* можно восстановить глагол *сокращать*, но этого глагола нет, и перед нами — структурный вариант (1), в котором пропозициональный компонент находится в предшествующей реплике и не повторяется в последующей. После вопросительно-отрицательного предложения появляется развернутая аргументация, которая представляет собой обобщенное суждение о свойствах чиновничества. В результате смысл фрагмента можно представить в виде конструкции вывода-обоснования: «Сокращать чиновников бесполезно (бессмысленно): чиновники переливаются из одного переливающегося сосуда в другой». Пропозициональный компонент в данном случае выражается препозитивным инфинитивом. Первая часть конструкции

(до двоеточия) представляет собой предложение с инфинитивным подлежащим и оценочным предикативом (категорией оценки) в сказуемом. Конструкция вывода-обоснования двухчастна: она характерна для монологических рассуждений. Встраивание в середину третьего компонента — вопросительно-отрицательной фразеосхемы — диалогизирует текстовую структуру.

Рассмотрим вариант 3 из пяти ранее перечисленных диалогических конструкций (см. с. 49). Здесь инфинитив (или пропозициональное существительное) встраивается в одно предложение с модально-отрицательной фразеосхемой. Такой структурный тип представлен в известном стихотворении М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно...»:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. *что пользы напрасно и вечно желать?*..
А годы проходят — все лучшие годы! [8: URL].

Между первой частью (именительный темы *Желанья!*) и третьей частью (собственно аргументативной) появляется фразеосхема, в состав которой включен инфинитив. В результате мы получаем трехчастную текстовую структуру, организуящим центром которой становится модально-отрицательная фразеосхема.

Пропозициональный компонент в составе фразеосхемы может быть выражен предложно-падежной формой (вариант 4 на с. 49–50):

Погребальный звон заставил его в лесу снять шапку, перекреститься, а потом он даже подосадовал на попу: мыслимое ли дело звонить так долго? Ну, ударили бы в колокола по разу — и все, а то заблаговестили на целый час. И *что проку* от этого звона? Только разбередят людям сердце да заставят лишний раз вспомнить о смерти. А о ней осенью и без этого все напоминает (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 4. 1928–1940) [Там же].

Интересующая нас текстовая структура содержит мысли героя (Пантелея Прокофьевича), который внутренне дискутирует со священником; маркером такой диалогизированности оказывается фразеосхема *что проку*. В препозиции к фразеосхеме находим глагол *звонить*, а в составе фразеосхемы — предложно-падежную форму от *звона*. Далее следует аргументативная часть (*погребальный звон разбередит людям сердце*).

В отличие от трех формул (*что проку*, *что толку*, *что пользы*) формула *что нужды* (с ударением на первом слоге существительного) устаревшая, поэтическая (частотная в поэзии) и многозначная:

Пускай кипит веселый рок
Мечтаний молодых —
Им предадимся всей душой...
А время скосит их?
Что нужды! Снова в свой черед
В нас воскресит их новый год...
(Н.А. Некрасов. Новый год. 1851) [Там же].

В этом контексте *что нужды* означает «не важно, не имеет значения». Другое значение *что нужды* встречаем в стихотворении Ап. Григорьева:

И лгал ли он пред вами и собой,
Или ему блеснула вера в счастье —
Что нужды вам? зачем ему участие?
Он вас любил как эгоист больной...
И сон любви, и сон безумной муки
Его доньне мучит, может быть,
Но, думаю, от безысходной скуки...
По-моему, пора бы позабыть!
(А.А. Григорьев. К Лавинии. 1845) [8: URL].

В этом фрагменте *что нужды* вам синонимично «Что вам до...?», «Какое вам дело до...?». Синонимические замены (*безразлично, какое вам дело*) и примеры употребления формулы *что нужды* свидетельствуют о том, что она имеет модусную семантику. Это выражается в придаточном изъяснительном после фразеосхемы; например:

Последняя дружба
В последнем обвале.
Что нужды, что нужды —
Как здесь называли?
Над черной канавой,
Над битвой бурьянной,
Последнею славой
Встаешь, — безымянной
(М.И. Цветаева. Последняя дружба... 1921) [Там же].

Несмотря на модусную семантику (а не оценочную), фразеосхема нуждается в аргументации, которая представлена во второй строфе; упрощая текст М. Цветаевой, смысл можно выразить следующим образом: «Безразлично, как здесь называли, потому что встаешь безымянный».

Обратим внимание еще на одну структуру с родительным падежом, выражающую оценочное значение. Речь идет о фразеосхеме с субстантивированным прилагательным в родительном падеже: *что хорошего, что плохого*. Эти предложения с вопросительно-отрицательной семантикой (при собственно вопросительной семантике они каузируют ответ) маркируют аргументативный дискурс, т. е. указывают на необходимость аргументации. См. пример:

— Что ж, — слегка смутилась тетя. — Я действительно посоветовала им назвать тебя Антоном в честь нашего великого классика. Ничего дурного в этом нет.

— А *что хорошего*? Думаете, если назвать под великого, так и пацан станет великим? Как же!

— Великим, может, и нет, но человек будет стремиться стать достойным своего имени (Н. Дубов. Небо с овчинку. 1966) [Там же].

В приведенном примере две конструкции с родительным падежом субстантивированного прилагательного: «Ничего дурного в этом нет» и «А что в этом хорошего?». Если первое предложение структурно свободное, то второе — фразеологизированное, семантически осложненное: оно соединяет вопросительную семантику с отрицательной. После предложения «Что хорошего?» следует аргументация, но неполная. Полный вариант был бы таким: «Имя не влияет на будущую судьбу пацана».

Аргументация может быть представлена в виде придаточного изъяснительного, например:

— А не решил бы, поехал бы сам с ним на другой день — ничего бы не было.

— Может, не было бы, а может, и было бы. Совершенно так же мог и сам с ним угробиться. Что тут хорошего?

— *А что хорошего жить и знать*, что мог сохранить человека, а угробил (К. Симонов. Так называемая личная жизнь / Мы не увидимся с тобой... 1978) [8: URL].

Придаточное предложение вводится модусными инфинитивами. Заметим, что инфинитивная конструкция возможна в том случае, когда и получатель пользы (хорошего), и субъект инфинитива совпадают в одном лице: *что для меня хорошего, если я буду жить и знать...* Односубъектная структура вывода-обоснования располагает широкими возможностями в плане средств выражения: пропозициональный компонент может быть представлен полной предикативной единицей (самостоятельным предложением или придаточным), девербативом и инфинитивом, например:

— Так ведь это же месть!

— Ну и *что хорошего?* Мстил, мстил, и сам он стал жестоким, и обманщиком, и рабовладельцем (И. Ратушинская. Одесситы. 1998) [Там же].

В связи с проблемой употребления инфинитива возвратимся к монологу Сальери. Фраза «Что пользы, если Моцарт будет жив?» не может быть заменена синонимичной конструкцией с инфинитивом *жить*, так как речь идет о пользе не для Моцарта, а для «служителей музыки». В результате получается двусубъектная конструкция: *что пользы нам в Моцарте, в жизни Моцарта, в музыке Моцарта*.

Подводя итоги, приходим к следующим выводам:

- 1) фразеологизированные предложения с родительным падежом организуют трехчастные текстовые структуры в условиях аргументативного дискурса;
- 2) в силу семантической несамостоятельности фразеосхемы включают в свой состав пропозициональный компонент, который может быть выражен разными способами;
- 3) особые условия образования, сформулированные как односубъектная конструкция, выявлены для предложений с инфинитивом;

4) с точки зрения семантики были обнаружены оценочные и модусные типы фразеосхем; оценочные фразеосхемы синонимичны словам, оканчивающимся на -о, с оценочным значением;

5) в составе фразеологизированных конструкций возможен дательный падеж субъекта личного, который может интерпретироваться как определенно-личный или обобщенно-личный; в обоих случаях может использоваться техника синтаксического нуля.

Библиографический список

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 208–286.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19; АН СССР, Ин-т рус. яз. М., 1990. 48 с.
3. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016. 416 с.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: УРСС, 2005. 352 с.
5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004. 544 с.
6. Русская грамматика. Т. 2 / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 712 с.
7. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976. 149 с.

Справочные и информационные издания

8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.05.2018).

References

Literatura

1. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku. M.: E'ditorial URSS, 2001. S. 208–286.
2. Baranov A.N. Lingvisticheskaya teoriya argumentacii (kognitivny'j podxod): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01, 10.02.19; AN SSSR, In-t rus. yaz. M., 1990. 48 s.
3. Velichko A.V. Predlozheniya frazeologizirovannoj struktury' v russkom yazy'ke. Strukturno-semanticheskoe i funkcional'no-kommunikativnoe issledovanie. M.: MAKSS Press, 2016. 416 s.
4. Zolotova G.A. Oчерk funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazy'ka. M.: URSS, 2005. 352 s.
5. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazy'ka. M.: Nauka, 2004. 544 s.
6. Russkaya grammatika. T. 2 / N.Yu. Shvedova (gl. red.). M.: Nauka, 1980. 712 s.

7. *Shmelev D.N.* Sintaksicheskaya chlenimost' vy'skazyvaniya v sovremennom russkom yazy'ke. M.: Nauka, 1976. 149 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (data obrachheniya: 20.05.2018).

E.S. Yar'ygina

**Structural, Semantic and Syntactic Functions of Phraseological Constructions
in Argumentative Discourse**

The article deals with phraseological constructions *что толку, что пользы, что про- ку, что нужны*. It is proved that structural and communicative-textual properties, as well as the signs of dialogic conditionality and polysubjectiveness encourage the wide use of the mentioned above constructions in argumentative discourse.

Keywords: argumentative discourse; phraseological sentences; phraseological schemes; question-negative sentences; modal-evaluative meaning.